

ПОСТОЯННЫЕ

ПЕРЕМЕННЫЕ

18+

София Титлина

Постоянные переменные

«Автор»

2026

Титлина С.

Постоянные переменные / С. Титлина — «Автор», 2026

У каждого из нас есть люди, к которым возвращаешься мысленно — куда бы и когда бы ни уезжал. Маршрут за маршрутом, глава за главой героиня собирает историю не по порядку, а так, как устроена память. Возвращаясь к разным городам и временам, она переосмысляет отношения с двумя важными людьми: братом и учителем. Это попытка увидеть близких целиком, не сводя их к поступкам, социальным ролям или собственной любви. «Постоянные переменные» — о том, что никто не бывает только хорошим или только плохим. И о том, как трудно принять, что самое постоянное в людях — это наши представления о них.

© Титлина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия	5
# 1	6
Москва – Владивосток – Узбекистан	7
Хабаровск – Улан-Удэ – Алтай	10
I	10
II	12
Ольхон – Москва	15
Тобольск – Москва – Владивосток	18
#2	19
2023 – 2015	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Постоянные переменные

Любимым Учителям посвящается

Вместо предисловия

Долгое время я представляла себе, как напишу здесь:

«Все имена и события вымышлены.

Любые совпадения с реально живущими людьми случайны.»

Эти слова как щит, как броня или даже – как презерватив. Полезные вещи. Но правда в том, что для моего произведения они не нужны. Вы ведь не используете презерватив, когда хотите зачать ребенка?

Я не утверждаю, что все было ровно так – буква в букву, и для каждого из героев. Это не суд. Но не могу не сказать и следующего:

Главные из описанных событий и людей не вымышлены.

А любые совпадения – лишь не изученные закономерности.

1

Москва – Владивосток – Узбекистан

Я захожу в самолет и ишу свое место. Внимательно вглядываюсь в пассажиров на разных креслах: 14 – семья с маленьким ребенком. 26 – молодая пара, приклеившаяся друг к другу губами. 38 – веселые на подвыпитии парни. Лететь больше 8 часов. С кем из них?

43. Мое место. В соседи мне достаются мужчина лет 40 с мальчиком-дошкольником, узбеки. Что они забыли во Владивостоке? Какими окажутся спутниками?

Самолет разгоняется и взлетает. Что говорят бортпроводники – не слышно, мы сидим в хвосте самолета. Постепенно разгоняется и мой сосед. Его слышно отлично, даже через наушники, даже через «не хочу». Он представляется не сразу, уже после того, как рассказывает про сорта гладких персиков и крупных абрикосов. Уже после того, как хвалится своим фруктовым садом под Бухарой и фермой под Владивостоком.

Зовут его Ихтийор – с узбекского «свободный человек». Говорит он об этом гордо, так чтобы чувствовалось: не зря ему дали такое имя. Высокий и нескладный, он с трудом помещается в узкое кресло самолета и перемешивает жалобы на авиакомпанию с восторгом по поводу своих успехов.

Ихтийор живет во Владивостоке уже 18 лет. Родом он из Бухары. Как занесло? Он достает телефон, в котором заготовлена нужная подборка фотографий как иллюстрации товаров у продавцов-консультантов.

Служил в Кремлевском карауле в Москве – «Посмотри, как мне идет форма, все говорят» – и хотел продолжать службу, но ему отказали. От обиды он, как человек свободный, взял и уехал на Дальний Восток к матери.

Сегодня они летят из дома домой. Ихтийор называет домом и Бухару, и Владивосток.

Я интересуюсь судьбой мальчика, тихого, неожиданно воспитанного для своих лет. Меня удивляет, что он ни разу не вмешивается в наш разговор, не дергает отца. Мальчик спокойно принимает даже новость о том, что встроенный в спинку кресла телевизор не будет показывать мультики во время 8-часового полета.

Ихтийор отвечает коротко: мальчик – племянник, живет во Владивостоке, ездил в гости. И переводит тему на свою новорожденную дочку; чистые узбекские помидоры, а не пластиковые китайские; арбузы, которые так хорошо «идут дома в жару». Он снова становится не просто многословен, а неумолкаем. Каждый тезис своей речи сосед подкрепляет фотографиями в смартфоне.

Голос бортпроводницы снова о чем-то шуршит. Ихтийор снова хвастается то ли фермой, то ли садом: фруктами, которые выросли *дома*. Самолет бойко гудит. Я смиряюсь с гулом и начинаю наслаждаться ситуацией.

Спустя час соседи теряются где-то на просторах самолета. Воспользовавшись моментом, иду в уборную и нахожу около нее мальчика. Он стоит слегка в стороне, так что непонятно, ждет он дядю или свою очередь. Сначала в дверях исчезают девочка с мамой, потом девушка-подросток и, наконец, остаемся мы вдвоем. Мой маленький сосед продолжает стоять неподвижно.

— Ты идешь? – спрашиваю его я, но он мотает головой и показывает мне, чтобы шла я.

После меня заходит он, не запирается, и я, повинувшись какому-то неожиданно семейно-командному духу, останавливаюсь и жду его. Ихтийор озирается и быстро двигается по салону: от наших мест в переднюю часть самолета – и ко мне.

— Он здесь, — отвечаю я на незаданный, но очевидный вопрос, и только тогда ухожу. Мне неловко, что я ждала незнакомого ребенка из туалета, и не хочется, чтобы его дядя понял это. Но оставить его одного я почему-то тоже не могла.

Через несколько часов полета я узнаю о мальчике больше. Он жил под Бухарой с отцом, который бросил сестру Ихтийора и совсем не занимался сыном. Мальчик пас скот, не ходил в школу и по несколько дней не мылся. Я понимаю, что мальчик молчит не потому, что хорошо воспитан, а как раз наоборот. Он забит, напуган и не знает русского, на котором мы говорим. Да и узбекского толком. Несмотря на то, что он закончил второй класс в Узбекистане, выглядит не старше шестилетки и до сих пор не умеет читать по-узбекски. Ихтийор ездил забирать племянника во Владивосток, чтобы он жил с матерью.

Мы заводим разговор с мальчишкой: каждый на своем и о своем, вероятно. С мальчиками вообще такое бывает, даже если им не 8, и они не узбеки. Мы вместе рассматриваем необычные модели самолетов в бортовом журнале. Мальчику особенно нравится дизайн с гепардом, а мне – с тигром. Я нахожу в его бровях удивительно точное сходство со своей ссадиной, которая появилась у меня за несколько дней до полета. Я рычу и показываю ребенку на тигра в журнале. Он впервые за весь полет улыбается и выглядит хорошеньким. Он тоже видит сходство между мною, в рыжей футболке с замазанной йодом раной, и тигром на фото.

Ихтийор приносит пиво себе и сок нам. Затем достает сумку, и передо мной раскрывается Узбекистан с самой вкусной стороны. Мягкая домашняя халва, свежий жареный миндаль, абрикосовые фисташки, крошечный кругленький сыр «курт» – тоже домашний, конечно.

С соседнего ряда поднимается пожилая женщина в красном, с татуированными бровями, и с улыбкой протягивает нам горсть черешни, говоря что-то по-узбекски.

Я узнаю ее. Это ее я обогнала в очереди на регистрацию, и только по недовольной реплике ее спутницы поняла, что они вообще стояли в очереди.

— Вы ее знаете?

Ихтийор говорит по-русски не особенно четко. В этот раз я понимаю слова «нет» и «невестка», которые плохо складываются в моем московском сознании друг с другом и с черешней. «Мать невестки», – решаю я. Брат Ихтийора тоже живет во Владивостоке.

Выпив пива, Ихтийор делится со мной своими сомнениями по поводу способностей русских копить деньги.

— Узбекская стратегия, – говорит он, – заключается в том, чтобы сначала жениться и завести детей, а потом уже все остальное. Лет на 10 лет ужаться, поработать изо всех сил, чтобы заработать на дом, а дальше жить в свое удовольствие. У меня уже все есть, чего я хотел, веришь? И я живу на полную.

В представлении соседа «на полную» – это бухать до беспамьятства и резать барана с друзьями по пятницам. Однако я ловлю себя на мысли, что он и правда живет на полную, от щедрот, угощая попутчиков узбекскими деликатесами и широко улыбаясь мелкими кривыми зубами.

Вдруг Ихтийор понижает голос и шепотом говорит:

— Я узнал ее.

— Кого?

Он бросает взгляд за плечо на женщину с черешней. В Москве уже ночь, во Владивостоке уже утро, Ихтийор уже выпил, а я уже устала и не могу ничего толком понять.

— Она живет рядом с моей фермой. Год назад убили ее сына. Она приезжала в гости к невестке.

Женщина в красном улыбается. Я смотрю на нее, но вижу уже не ее, а свою тетю.

Мой брат тоже убил чьего-то сына.

Дядя служил, и они с семьей несколько раз переезжали. Брат родился в Узбекистане и пошел в местный детский сад. Там он настолько влился в компанию узбекских детишек, что быстро освоил язык и даже перестал говорить по-русски. Из узбекского садика его забрали и отправили в русскоязычный – также скоро он стал заводилой и там. Неудивительно. Он рос

энергичным и задорным, обожал общаться, всегда запросто ладил с детьми и умел рассмешить взрослых. Таким он и остался, когда его узнала я.

Мы познакомились с братом, когда мне было 10, а он уже собирался жениться. Они с невестой переехали из Узбекистана в Москву, и я сразу признала в незнакомом прежде молодом человеке родственника. Или точнее того, *с кем мне хотелось бы быть связанной кровью.*

Хабаровск – Улан-Удэ – Алтай

I

На Дальнем Востоке стоит непривычная для меня жара. Обычные 20 градусов ощущаются как все 35. Дышать нечем. Солнце обжигает. В первый же день я обгораю так, что всю поездку с меня сходит кожа. А вместе с ней как будто и оболочка, в которой я привыкла жить последние несколько лет.

В поезд Хабаровск – Улан-Удэ я захожу в шортах и открытом топе и сразу чувствую себя неприлично раздетой. Мне предстоит двое с лишним суток в плацкартном вагоне, полном парней. Я смущаюсь и одновременно злюсь.

– Мальчики хорошие, тихие, обижать не будут, — говорит мне проводница, — но, если что, зови.

Поначалу в поезде все слегка настороже к новичкам. В нашем вагоне таких мало, но я одна из них. Независимое молчание граничит с высокомерием и затягивается.

Бритые головы, полуказенная одежда, схожие манеры. Они возвращаются на Алтай со срочной службы в Уссурийске. Говорят только об армии и через слово вставляют «понял», когда обращаются друг к другу.

— Ну я в наряд тогда заступил, понял? И пропустил все, понял?

Большинство из них еще совсем мальчики, им только исполнилось 19. Это читается в их то робких, то дерзких взглядах, перешептываниях, резких движениях и отрывистых смешках. От них так и веет мальчишеством. Тем, которое не умеешь замечать, когда ты сам ребенок. Но мне скоро исполнится 28, а с девятнадцатилетними мальчиками я не была близка даже в свои 19. Сейчас я даже не удивляюсь, когда один из мальчиков нарочито задевает сначала меня, а потом мою книгу. Меня будто дергают за косичку, которую я не ношу с 12 лет.

Среди всех также безошибочно угадываются ребята постарше. Их всего двое. Они двигаются плавнее, а в глазах у них больше уверенности, чем детского задора. И все же они тоже младше меня.

Во мне борются стеснительность и жажда историй. Провести двое суток в молчании представляется мне унылым опытом. Познакомиться самой с ротой парней – пугающим.

Я едва ли не единственная девушка в вагоне, а они все – парни, отлично знакомые между собой. Никто из них не заводит со мной разговор.

Несмотря ни на что, попутчиков я воспринимаю как данность. Почему-то именно они. Почему-то именно со мной. Мы вместе заперты в доме на колесах только сейчас, на ограниченный срок. Хочешь, считай случайностью, хочешь – судьбой.

Жизнь в поезде течет размеренно. Встают рано, потому что стоит проснуться двоим, и они будят всех. До обеда в поезде весело. Парни общаются, играют в карты, шутят, ждут остановок. После остановок – еще один всплеск оживления: все едят, пьют. Непременно пахнет дошираком. После обеда спят и снова ждут остановок.

Обычно поезд – скорее средство, чем часть отдыха. Хочется поскорее прибыть на место назначения, к твоей собственной конечной станции. На этот раз все не так. Впервые в жизни я смотрю на поезд не как на трату времени, а как на само путешествие. *Не приезжать* оказывается гораздо приятнее и спокойнее. Можно никуда спешить и ничего делать. Я хотела бы всегда смотреть на жизнь так, как вижу ее сейчас из поезда.

Здесь есть ограниченный набор любимых занятий, от которых ничто не отвлекает. Читай, сколько хочешь. Пиши, сколько хочешь. Наблюдай за сменяющимся видом за окном, пока не

стемнеет. Слушай музыку, пока не надоест. Спи, если спится. Думай, если мысли несутся вместе с неугомонным стуком колес.

Я погружаюсь в чтение. Почти сутки мы с попутчиками молчим, и я выбираю считать их досадной случайностью.

II

Но колбаса в корне меняет ситуацию.

Меня воспитывали так, что выкидывать неиспорченную еду я не умею. Смотреть, как она портится – тоже. Поэтому после завтрака рациональная хозяйка во мне пересиливает скромницу, и я отдаю парням колбасу, которую уже точно не съем сама. Мне жутко неловко, но вскоре я узнаю, что зря.

В поезде, как в армии и тюрьме, действует несколько видов валюты. Еда – один из них, самый распространенный. Дорогая сырокопченая колбаса – что-то вроде долларов, всегда в цене. Второй вид валюты волатильный – сигареты. Обычные наиболее востребованы ближе к остановкам, электронные растут в цене в перегонах. Ну а последняя валюта совсем не отличается уникальностью. Это любого рода развлечения: от интересных историй и настолок до домино и водки, и обратно.

В благодарность за колбасу я получаю несколько чокопаев, а вскоре и целый вагон собеседников. Они продолжают жить по армейскому – или чисто мальчишковому? – правилу «один за всех, и все за одного». Стоило меня принять в компанию одному, и я оказываюсь под надежной защитой двадцати.

Набиваясь в одно купе, они ведут себя шумно и беспечно. Кажется, что армейские порядки не наложили на них никакого отпечатка, но это неправда. Цуля – парень с драконом на ноге и чокопаями в рюкзаке – говорит, что после армии больше меняются те, кто моложе и еще не успели сформироваться. Сам он успел закончить колледж и поработать по специальности, в строительной компании. По возвращению он собирается поступать в универ, чтобы стать прорабом. Он хорошо зарабатывает по местным меркам и не поддерживает власть:

— Если до армии я еще сомневался, то теперь я точно знаю, что это за власть.

Цуля улыбается, качает головой и регулярно повторяет про армию:

— Не понравилось. Вот прям совсем не понравилось.

В беседе один-на один он добавляет:

— Если у меня будет сын, я сделаю все, чтобы он не пошел в армию.

Но он скорее исключение.

Нет, все ребята с ироничными смешками вспоминают, как их заставляли по 100 раз отжиматься за чужую провинность, как они стирали свою форму и вынуждены были надевать ее тут же на себя, неработающую технику, несуществующие специальности в военных билетах, бесконечный недосып и необходимость выкручиваться, чтобы не получить наряд.

У каждого в этом вагоне набрался бы свой сборник армейских историй. Но только в цулином значится, что в соседней части умер сослуживец. Не потому, что был болен, а потому, что его загоняли по полигону на жару, и у него отказало сердце. Только Цуля смущенно показывает на друга – полноватого, на вид толстокожего, парня в толстовке с аниме – и понижая голос, сообщает мне, что «Леша в армии пытался покончить с собой».

— Смотрю, он с лезвием стоит. Подумал: «Странно», а он – раз – и по венам себе. Прямо в казарме. Давление очень сильное в армии, те у кого психика послабее, не выдерживают.

Остальные ребята смотрят на армию как на опыт, который сделал их лучше.

Неловкий худощавый парень в солнечных очках по кличке Рыжий говорит, что стал спокойнее. В его голосе при этом слышится легкая грусть. И правда, в компании он шепотлив, постоянно смеется и двигается по поезду туда-сюда, а тет-а-тет он совсем другой, как будто подменили. Он замер, потерянно смотрит и не знает, о чем говорить со мной, хотя еще недавно уверенно напрашивался ко мне на чай.

Перекачанный Антон, напротив, разговаривает почти все время. Он разбирается в машинах, поэтому во время службы ему было легче, чем многим. Его истории – в основном подроб-

ная починка БТР, как будто компьютерный мастер озвучивает каждый свой шаг во время ремонта техники. Но никто не решается перебивать или возражать, только изредка переглядываются с улыбкой. Антон тоже говорит, что в армии стал сдержаннее. У него уже есть условный срок:

— Сломал челюсть и ребра бывшему лучшему другу. Он про мою маму нехорошие вещи болтал.

Для сослуживцев эта информация оказывается новостью. Для меня — напоминанием о брате. Он вполне мог бы поступить так же. Из самых благородных побуждений, как и Антон. Превысил необходимую силу удара.

Смуглого, темного и низкорослого парня по неизвестным никому причинам называют «Хохлом». В честь возвращения он решил набить себе «рукав» – татуировку Кратоса¹. Герой беспощаден, мстителен и убивает всех без разбора, включая свою семью. У Хохла прямой жесткий взгляд, хотя до армии он работал мастером маникюра в Бийске и писал танцевальную музыку. Он считает, что убийство на войне – это приказ, а приказам нужно подчиняться и не брать их тяжесть на себя.

— И все же почему именно Кратос? – спрашиваю я.

— Потому что он осознал свои ошибки.

От брата я получила единственное короткое письмо с тех пор, как его посадили. В этом нет ничего удивительного, потому что мы никогда не были друзьями. Он старше меня на 12 лет, и между нами в то время не могло быть откровенных отношений. Я всегда была его младшей сестренкой, и о его проблемах слышала только от других родственников. В письме о них тоже не было ни слова. Зато был абзац о том, что он раскаивается в содеянном. Я не знаю, правда ли это так. Раскаиваться в убийстве положено, если отбываешь срок. И негласными правилами положено объявлять о своем раскаянии в письмах, которые проверяются теми, кто может сократить этот срок.

Я знаю, что брат *не хотел бы убивать*, но я совсем не удивилась, когда узнала, что он убил. Не будучи плохим человеком и не собираясь, но Костя убил.

Ребята предпочитают собираться вокруг меня группой, как будто они отвыкли быть сами по себе, высказывать свое личное мнение и не иметь поддержки роты. Но мне хочется узнать побольше о каждом: чем они собираются заниматься после армии, как и где жили до нее, чем увлекаются, что любят в своих городах.

Спустя 7 часов мне удастся наконец разделить их – в реальности или своем восприятии. У каждого из парней – своя история, которая логично приводит к ответу на вопрос «почему он здесь?». А почему я здесь, в этом поезде, с ними?

Я угрюмо смотрю в окно. Скоро моя остановка, а мне совсем не хочется выходить. Мне впервые в жизни оказался интереснее путь, чем пункт назначения. Что интересного будет в Улан-Удэ? У меня мелькает мысль, не поехать ли сразу в Новосибирск вместе с ребятами. «Пропустить Байкал – какая нелепая мысль», – одергиваю я себя.

За полчаса до Улан-Удэ напротив меня садится Антон:

— Не помешаю?

Я качаю головой, хотя это неправда. Гораздо больше удовольствия мне доставили бы последние минуты поездки с ребятами, с которыми у меня сложились более дружеские отношения. С теми, кто мне понятен.

Но Антон садится и сразу начинает говорить почти без остановок. Только на этот раз не о БТР-ах и не об армии, а о себе. Кажется, он отвечает на те вопросы, которые я задавала другим ребятам.

¹ Слова из песни британской певицы Birdy – Let it All Go. В переводе с англ. яз.: «Но если мы достаточно сильны, чтобы впустить что-то, мы достаточно сильны, чтобы отпустить это».

— В армии я театр полюбил. Раньше вот никогда не ходил, что в нем делать, в театре этом. А тут реально полюбил, веришь? Меня в Уссурийск товарищ свозил. Спектакль был такой интересный, и актеры подобраны очень круто.

— Как назывался?

— Не помню.

— А о чем?

У Антона на лице написано, что он парень простой, но уже не наивный, а умудренный опытом. Он на год старше большинства сослуживцев, кроме Цули, но выглядит намного старше даже его. У него глубокие морщины на лбу и слишком серьезные глаза для 20 лет. Я вспоминаю, что это у него условный срок за тяжкие побои. Разговор о театре с таким парнем – последнее, к чему я была готова. Какой спектакль мог так глубоко тронуть его?

— Ну там про красивого мужчину было, который не хотел стареть.

— Дориан Грей, — улыбаюсь я.

Антон сияет:

— Ничего себе, знаешь!

Он сказал своей девушке, что они пойдут в театр, когда он вернется. А она ему изменила. Антон расстроился, хоть и был готов к этому. Так что теперь он устроится на работу в МЧС.

— Почему в МЧС?

— Людей спасать хочу. На их благодарные лица смотреть. Это знаешь, какие эмоции дает?

— Да, представляю. Только вряд ли ты увидишь благодарность. В такие моменты у людей шок, им ведь страшно.

— Да, ты права. Но мне адреналина не хватает. Хочется чего-то такого... Я раньше вообще чуть что срывался, малого один раз избил, когда играли.

Он подробно описывает, как это случилось. Они с братом в шутку дрались, брат заигрался и ударил сильнее, чем Антон ожидал. Тот повалил пацана и начал избивать ногами. Когда прибежала мать, Антон ужаснулся себе и тому, что он натворил в гневе.

Я слушаю его и, тоже ужасаясь себе и тем словам, которые вылетают у меня изо рта, произношу скороговоркой:

— У меня есть брат. Он хороший парень. Только он легко заводится, особенно когда выпьет. Однажды они с другом поссорились в баре с каким-то парнем. И мой брат его убил. Он убил его в гневе, понимаешь? Теперь он сидит в тюрьме. У него остались две маленькие дочери и пожилые родители, и они не могут ничего с этим сделать. Ничего! А ты можешь.

Я делаю глубокий вдох:

— Если ты можешь что-то сделать с собой, сделай, пока не поздно. Гнев – наш самый страшный недостаток.

Антон смотрит на меня в упор, молчит и только кивает. Я смотрю, как замедляются рельсы под колесами поезда, не в силах увидеть реакцию собеседника.

Я оставляю на столе тонну шоколадок, которыми ребята закармливали меня всю поездку, и выхожу налегке в Улан-Удэ.

— Я обещаю, – тихо говорит Антон мне в след, помогая спустить чемодан.

Ольхон – Москва

Транссибирская магистраль проходит мимо Байкала, но я пройти мимо не могу и схожу с маршрута. Уезжаю с Байкала я через остров Ольхон. Это уже совсем лирическое отступление, не имеющее ничего общего с классической поездкой по Транссибу, но я говорю себе, что это только мое путешествие и твердо решаю делать так, как хочется и никак иначе.

Экскурсия очень ранняя, и почти все участники спят. Тем временем «Комета» разрезает прозрачные воды Байкала и стремится к Ольхону. Я выхожу на палубу и приподнимаюсь на носочки, чтобы высунуть голову за границы судна. Вдоль палубы тянется безжизненный горный массив: одна гора сменяется другой. Ледяной ветер рвется в лицо, заставляя судорожно хватать воздух ртом. Волосы разлетаются во все стороны и путаются. Все происходит так быстро! Эти ощущения кажутся мне такими же забавными и захватывающими, как в детстве, когда у отца в машине сломался кондиционер. Я высовывала голову из окна и «ела» ртом воздух на скорости до тех пор, пока меня не накрывало безудержным счастьем. В такие моменты всегда хотелось – и до сих пор, оказывается, хочется – смеяться. Я смеюсь.

Меня трогает за плечо девушка. Из-за плотно-затянутого капюшона она похожа на головастика. Девушка просит сфотографировать ее и высвобождается из своего кокона. Мы знакомимся, перебрасываемся несколькими ничего не значащими фразами, среди которых я помню лишь ее слова о том, что она тоже из Москвы, и чувство симпатии, которое сразу возникает к ней.

По отношению к Ольхону я, наоборот, испытываю неожиданное замешательство. Песочно-серая земля, в которой изредка пробиваются крошечные растения, сливаются с пустынными скалами. На многие километры вдаль виднеется только степь, без малейших признаков жизни – воды, деревьев, дорог, домов, коммуникаций.

Еще из «Кометы» меня поражает необитаемость этого популярного острова. С первых минут после высадки в бухте и до момента, когда мы отплываем от него, меня не покидает мысль об отсутствии жизни. Или даже скорее о том, что всякое *присутствие человека здесь неуместно*. Зачем люди живут на этом острове? На вершине скалы, в сотне километров от материка, среди пыли и *ничего*?

Наверное, там и тогда случилось мое первое настоящее столкновение с *ничем*. В тот момент я, конечно, видела песчаные дюны и степь, но мои глаза упорно искали на горизонте *что-либо*, за что можно было бы зацепиться и успокоиться. Пейзаж не только не показался мне красивым, но и даже назвать его пейзажем мне было бы трудно. Вспомнились слова Бродского: «Ты – никто, и я – никто, вместе мы почти пейзаж». Я не удивлюсь, если именно так, как Южная часть Ольхона, выглядит жизнь после смерти. Жизнь, в которой нет жизни. Неуютная, голая до бестелесности, то ли закончившаяся, то ли не успевшая начаться. Одним словом, мертвая.

Мне приходит в голову человек, которого убил Костя, точнее то, что его жизнь может сейчас быть такой, как ее вижу я. Эти мысли нелепы, и я гоню их прочь. Я знаю о нем лишь то, что это был молодой мужчина, который однажды пришел в бар и подрался с моим братом. То есть ровным счетом *ничего*.

От обилия и наслоения этих *ничего* начинает кружиться голова.

С Сашей, девушкой из «Кометы», мы оказываемся в разных «буханках» – так местные называют единственные автобусы-газели, которые могут проехать по бездорожью Ольхона. Мы встречаемся только за обедом и у достопримечательностей на несколько минут и фотографируем друг друга. Вся экскурсия по Ольхону проходит впопыхах: мы постоянно трясемся в «буханках» и торопимся от одного места к другому.

Только у Шаман-Скалы мне удастся почувствовать себя спокойно. Главная шаманская святыня – гигантская серебристая скала, обращенная к Байкалу – выглядит торжественно и в

то же время очень просто. От нее веет уверенностью. Сложно представить, что именно здесь собираются шаманы и совершают жертвоприношения, проливают кровь, молятся. Но, вероятно, именно эта энергия и делает скалу Скалой, наделяя ее мощью. Она как максимальный антипод разных *ничего* является на острове *всем*.

В «Комете» на обратном пути почти все снова спят, теперь уже уставшие от впечатлений и тряски. Я нахожу глазами Сашу. Она не спит, и рядом с ней свободное место, но я все равно сомневаюсь, удобно ли к ней подсесть. Я опускаюсь в соседнее кресло, и у меня возникает эффект дежавю. По дороге туда я заняла место у окна – как выяснилось, оно принадлежало моей новой знакомой. Она вернулась с палубы и сообщила мне об этом, но тогда она еще не была для меня Сашей, и я не запомнила ее лица. А вот место – да.

В жизни мы часто пытаемся раз и навсегда определить для людей место, которое они будут занимать. Мы исходим из тех сведений, которыми обладаем во время знакомства или начала общения, а потом по привычке возвращаем людей «на место»: в знакомые роли и декорации. Для этого не нужно помнить лиц и следить за тем, как меняются близкие. Достаточно знать их место в своей жизни. Мне кажется, именно так мы теряем людей.

Саша долго рассказывает о путешествиях. Она была в Венесуэле и Японии, а сейчас ездила на Шумак – удивительное лечебное место в Сибири, где происходит «полная перезагрузка». Мы сходимся на обсуждениях поездок; Листвянки, из которой обе едем; долгого отпуска и путешествии в одиночку. Я ловлю себя на мысли, что за все время поездки впервые встречаю другую девушку, которая отправилась бы в путешествие без друзей, семьи или партнера. Мысль о том, что это московская свобода мысли выражается в свободе передвижений наполняет меня гордостью.

Спустя полчаса разговора я думаю о том, как Саше удастся так долго путешествовать и задаю вопрос:

— А чем ты занимаешься? По работе?

Незадолго до поездки я попала на домашнюю вечеринку к старым знакомым – одну из тех, что в возрасте 20 с небольшим посещала регулярно. Там этот вопрос задавали каждому еще в дверях. Как самый, возможно, даже единственно важный. Определяющий тебя и интерес к тебе. Там, среди успешных ученых, которым я долгие годы пыталась подражать (конечно, безрезультатно), я всегда стыдливо чувствовала себя *никем*. Пока не поняла, что для меня жизнь не ограничена работой. Я не равна тому, чем занимаюсь за деньги вне зависимости от того, насколько люблю это дело. Или даже: чем больше люблю – тем дальше я выхожу за рамки этого. Путешествия – один из способов действительно выйти из офиса и предстать перед миром без прикрытия своей профессии.

На далекий московский вопрос «Кто ты? Из какого ты мира?» Саша отвечает:

— Я преподаю каратэ.

— О, я была на одном занятии по каратэ... – говорю я и вспоминаю о том дне, когда пришла к брату на тренировку.

Саша работала в сфере продаж. Когда ее повысили до топ-менеджера, работа стала вызывать жуткий стресс и усталость, а увлечение каратэ на фоне этого только выиграло. Затем ей предложили стать тренером, и она бросила продажи. Стала учить детей и взрослых и возить на чемпионаты по разным городам и странам.

Примерно так поступил и Костя. Выбрал работу по душе, отказавшись от денег и офиса. Он всегда обожал детей, и они отвечали ему взаимностью. Я испытывала это и сама.

В те годы, когда Костя только переехал в Москву, мы часто собирались большими семьями у тети с дядей. Взрослые часами сидели в гостиной и разговаривали. Старшие братья и сестры-подростки старательно делали вид, что им уже не пристало играть с «малышней». А мы тем временем бегали по коридорам и бесились, предоставленные сами себе. Я помню, как мы прыгали на кроватях, что всячески было запрещено под угрозой того, что они сломаются и

негде будет спать; прыгали со шкафов и шведской стенки на пол; устраивали фигурное катание в носках по паркету; играли в прятки, прячась на антресолях; выпускали хомяков бегать по квартире, а потом ловили их. Словом, развлекались, как умели все дети в эпоху до Интернета и смартфонов.

Костя был единственным взрослым, кто не считал себя выше наших игр. Он уходил из-за стола, чтобы поиграть с нами в догонялки, подбрасывал младших на руках и подбадривал тех, кто неудачно приземлялся во время испытательных прыжков со шкафа. Он был взрослым, но не до конца, не в плохом смысле этого слова, – и за это мы, дети, полюбили его сразу же и безоговорочно.

Несмотря на то что я была у него на занятии, каким он был тренером, я не знаю. Вероятно, хорошим. Во всяком случае так считают родители его учеников, которые и сейчас шлют ему в тюрьму посылки и пишут письма. Но чем больше я думаю о Косте, тем больше становится очевидным печальный факт: мы знаем людей в очень ограниченных ракурсах. На той единственной тренировке мне было тринадцать, Косте – двадцать пять, и он только начал преподавать. Я помню белую форму, маты и его широкую одобрительную улыбку. Само каратэ мне не понравилось. Мне, с детства привыкшей к танцам, косолапить – а именно так с точки зрения танцев выглядит стойка каратиста – никак не удавалось.

Каким он был тренером, для меня навсегда останется загадкой, потому что даже на тренировке я в нем видела брата. А братом он был хорошим.

Тобольск – Москва – Владивосток

Тобольск – последний город в моей поездке перед возвращением домой. Могучий, сибирский город, породивший и похоронивший неожиданное количество талантов. Он вдохновляет сквозь призму страха, словно романтический герой. Его исторический облик имеет мало общего с нынешним днем. Богатые белокаменные стены на возвышенности разительно отличаются от убогой запущенности среднестатистических улиц.

С Кремлем соседствует Тобольский централ, иными словами, каторжная тюрьма. Последние 30 лет – это музей, но ощущения, что тюрьмы в нашей стране стали сильно более гуманными с тех пор, нет. Я не планирую идти туда и уверяю себя, что не успею до закрытия, но ноги сами ведут меня.

Мое внимание сразу привлекает памятник жертвам политических репрессий. Перед глазами встают имена и лица нынешних. С началом войны Россия превратилась в страну невыученных уроков: исторических, конечно. Привычные памятники, праздники, символы – огромный пласт мирной культуры потерял всякий смысл и обнажил уродливое лицемерие.

Я брожу по тюрьме, разглядываю камеры, дотрагиваюсь до шипов на дверях, вдыхаю запах подвальной сырости. Горячий карцер с печью. Холодный карцер без отопления. Мокрый карцер, где по щиколотку налита вода. Горбатый карцер, в котором невозможно распрямиться. Перемещение по подземным переходам, чтобы не видели свет. Пыточные.

Сколько людей здесь страдало и погибло! Тысячи расстрелянных, иногда сотни за один день.

Мне и в голову не приходит думать о *настоящих* преступниках – их как будто здесь не было. Потому что были и невинные, неугодные государству, и сейчас их становится все больше? Потому что никто не заслуживал и не заслуживает такого обращения? Потому что тюрьма перестала быть для меня местом, где живут только *преступники*? Или точнее люди, в которых есть *только* преступное. Существуют ли вообще такие люди или каждый маньяк и убийца был кому-то хорошим братом, учителем, другом и сыном? Мы так меняемся в разных ролях.

Меня передергивает от попыток местных пиарщиков сделать из тюрьмы модное место. Но еще больше от посетителей, которые как ни в чем не бывало следуют за идеей, и это в 2023 году. Молодые парни шелкают друг друга на нарах. Мама предлагают детям сняться в фас и профиль на фоне розыскной карточки. Люди покупают сувениры: сувениры из тюрьмы.

Я возвращаюсь в гостиницу с множеством мыслей и одним ощущением «от суммы да от тюрьмы не зарекайся». Пословица, которая раньше мне казалась очень и очень метафоричной, но чем старше я становлюсь, тем более буквально трактую ее.

Завтра я возвращаюсь в Москву из длительной поездки по Транссибу: нужно собирать вещи, но я автоматически перекладываю их с места на места и также поступаю со стопкой отельных бумаг на комод. Из них выпадает конверт с названием гостиницы: «Восток». Внутри него лежит пустой белый лист – заготовка для письма.

#2

2023 – 2015

Я уже почти опаздывала по делам, но, натягивая носки, *зачем-то* впопыхах открыла электронную почту. Изыщным цифровым движением прямо на моих глазах в нее прилетело письмо от человека, которого я когда-то любила настолько, что сбежала на другой конец света.

Его письмо стало одним из тех удивительных событий, которых совсем не ждешь и в то же время вопреки всему знаешь, что однажды они произойдут. Прошло семь лет с нашей последней встречи, и все это время я чувствовала, что когда-нибудь получу от него еще одно письмо. «Когда-нибудь» случилось в то воскресенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.